

Бахтурина А.Ю.
ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС В ВОСПОМИНАНИЯХ С.Ю. ВИТТЕ

Основой для оценок взглядов Витте на финляндский вопрос стали его «Воспоминания», где он сосредоточился на своем участии в принятии решений по Финляндии в 1905 г. принятии Устава о воинской повинности в Финляндии, а также кратко охарактеризовал деятельность Н.И. Бобрикова и В.К. Плеве. Но в изложении событий усматривается довольно много недомолвок и умолчаний при сравнении их с официальными документами за подписью самого Витте и иных источников личного происхождения, где современники указывали на то, что симпатии Витте к Финляндии не были безусловными, а отличались свойственной крупному государственному деятелю прагматичностью.

В тесное соприкосновение с финляндскими проблемами Витте вступил, будучи министром финансов. После введения золотого стандарта рубля Витте сразу же поднял вопрос об установлении единого образца в монетных системах России и Великого княжества, инициировал открытие в Гельсингфорсе отделения Российского государственного банка, активно участвовал в решении вопроса о таможенном объединении Великого княжества Финляндского и Империи. Но эти сюжеты в своих «Воспоминаниях» он не затрагивал, ограничившись указанием на то, что считал экономическое сближение наиболее надежным способом интеграции Великого княжества. Гораздо больше внимания Витте уделил истории принятия нового Устава о воинской повинности в Финляндии, хотя данный вопрос выходил за границы его компетенции как министра финансов. Витте дал оценку не только Уставу, но и крайне подробно остановился на характеристике военного министра А.Н. Куропаткина. Он писал, что Куропаткин, стремясь проявить свои «истинно» русские чувства» на посту военного министра, он сразу после назначения «поднял финляндский вопрос: надо – де их сделать русскими, по крайней мере войска... Итак, Куропаткин поднял вопрос о русификации Финляндии» [3, с. 62].

Витте выступил не только противником ряда положений Устава, но и организатором министерской оппозиции инициативам военного министра А.Н. Куропаткина. Помимо воспоминаний Витте ход дискуссии зафиксирован его в заключениях на проект Куропаткина на имя министра статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского В.К. Плеве. Заключение Витте от 20 февраля 1900 г. содержало множество указаний на политическую неадекватность этого проекта, а 14 января 1901 г. он адресовал Плеве второй вариант, указав, что для сближения Финляндии с Россией необходимо укрепить торговые связи – «самое верное и самое мирное средство к взаимному сближению» [4, л. 54].

В 1903 году Витте оставил пост министра финансов и в октябре 1905 г. в качестве председателя Комитета министров столкнулся с проблемой урегулирования антиправительственных выступлений в Финляндии. Октябрьские события стали временем активного участия Витте в решении финляндских проблем, но именно эти эпизоды он предпочел в своих «Воспоминаниях» обойти молчанием или ограничиться скудными упоминаниями. В октябре 1905 г. в Петербурге состоялись две встречи премьер-министра С.Ю. Витте с представителями партии конституционалистов А. Тёрнгреном, губернатором Вааса Ф. Бьёрнбергом, государственным советником Алексисом Гриппенбергом, которые настаивали на отмене большинства постановлений периода генерал-губернаторства Н.И. Бобрикова и назначении на ответственные должности в Великом Княжестве финнов. Одновременно С.Ю. Витте вел переговоры с лидером конституционалистов Л. Мехелиным. Витте стремился получить от финляндских политиков обещание урегулировать ситуацию, если царское правительство пойдет на уступки, но твердых гарантий ему не дали [3, с. 70, 539]. В воспоминаниях он очень скупо повествует об этих встречах и информация о них, по замечанию М.А. Витухновской, присутствует преимущественно в мемуарах финляндского политика А. Тёрнгрена.

Определенную роль сыграл Витте также в назначении нового финляндского генерал-губернатора в ноябре 1905 г., предложив кандидатуру члена Государственного совета Н.Н. Герарда. В воспоминаниях Витте отмечал, что он «совсем не знал Герарда и не имел с ним никаких личных отношений», а рекомендовал его только потому, что во время работы в Царстве Польском по введению там общероссийской судебной системы Герард «оставил о себе в Царстве Польском как у русских, так и у поляков, самую лучшую память» [3, с. 389]. Хотелось бы заметить, что в Царстве Польском Герард служил тридцать лет назад, в 1875 г. Его деятельность в там продолжалась ровно год и не оставила заметных следов и аргументация, приведенная, С.Ю. Витте вызывает некоторые сомнения.

Другую версию назначения Н.Н. Герарда выдвигала финляндская периодическая печать. Одна из финляндских газет в связи с этим писала, что: «... Витте предложил в генерал-губернаторы Финляндии тайного советника Герарда как лицо, наиболее удовлетворяющее финский народ...» [3, с. 539].

В докладе С.Ю. Витте, представленному Николаю II накануне отставки генерал-губернатора И.М. Оболенского, прослеживается и еще одна немаловажная причина назначения Герарда: влияние лидеров партии конституционалистов. В своем докладе Витте подробно описал свою встречу с их лидером Л. Мехелиным и особенно то, как Мехелин охарактеризовал финляндского генерал-

губернатора И.М. Оболенского: «Мехелин, а значит и вся его партия, относится с симпатией к князю Оболенскому. Но из его рассказа видно, что князь Оболенский... совершенно растерялся и сделался орудием в руках других, думаю больше всего в руках Мехелина. Так он проговорился, что весь проект манифеста и другие представления написаны им Мехелином и его сотрудниками...Мехелин проговорился, что недостаток генерал-губернатора заключается в том, что он много говорит, а потому не имеет достаточно времени думать» [1, с. 108–109].

Представляется, что Витте использовал аргументацию Мехелина и соглашался с ней, чтобы обеспечить отставку Оболенского, что и произошло. В «Воспоминаниях» Витте об уходе Оболенского с генерал-губернаторского поста пишет следующее: «... он так растерялся, что ушел. Он сам ушел, но если бы он не ушел, то его бы сместили» [3, с. 69]. С учетом вышесказанного, смещение Оболенского тщательно готовилось Витте в союзе с Мехелиным, но в воспоминаниях он предпочел об этом умолчать, сделав акцент на том, что определяющим стало недовольство Николая II: «Государь после ухода не хотел в течение более года принимать своего генерал-адъютанта Оболенского» [3, с. 69].

В январе 1906 г. «Новое время» опубликовало статью «Своеобразные администраторы» [5, с. 3] с подробным разбором деятельности Герарда в Финляндии, который, по мнению газеты «первым пунктом своей политической программы поставил очищение финляндских учреждений от русских людей! ...Гонит своих соотечественников, гонит из окраины Империи представителей господствующей нации, тех, которые своею кровью завоевали Финляндию и своею кровью отстаивали государственные интересы родины». Примечательно что политика Герарда была названа «новым курсом гр. Витте и Н.Н. Герарда».

Не менее важной кадровой проблемой в октябре 1905 г. стал выбор кандидатуры на должность министра статс-секретаря по делам Финляндии. В уже упоминавшемся докладе Витте императору, говорилось и о том, что прежний статс-секретарь, по заявлению Мехелина, «во время кризиса... сделал все. Что хотели в Гельсингфорсе, но что он... не пользуется в Финляндии ни доверием, ни уважением» [1, с. 109]. В результате на пост статс-секретаря был назначен А.Ф. Лангоф, о котором Витте в своих воспоминаниях вообще не упоминает.

Кадровая политика Витте вызывала возражения. Так, Дурново в начале 1906 г. обратился к нему с предложением изменить персональный состав статс-секретариата

Таким образом, при содействии Витте в 1905 г. была сформирована администрация, действовавшая в тесном контакте с финляндскими политиками и, как подчеркивал Витте в воспоминаниях, «Финляндия успокоилась, она в значительной степени перестала быть сценой для репетиции всяких революционных трагедий в России» [3, с. 70]. Но все было иначе. Революционные выступления в Финляндии не закончились и наиболее крупным из них стало восстание 1906 г. в Свеаборгской крепости. С 1906 г. развернулась длительная борьба П.А. Столыпина с финляндским Сенатом за предоставление права российской полиции проводить аресты российских революционеров на территории Княжества.

Наряду с проблемой смены состава российской администрации в Великом княжестве, к началу 1906 г. возникла еще одна проблема общеимперского масштаба, связанная с участием финнов в работе Государственной думы и Государственного совета и вообще с взаимодействием общеимперских и финляндских представительных учреждений.

После издания манифеста 6 августа 1905 г. о созыве Государственной думы встал вопрос о том, каким образом будет формироваться в Думе представительство от Великого княжества Финляндского, поскольку в манифесте 6 августа 1905 г. о порядке участия в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского не говорилось, и законодательных правах Думы и Государственного совета в отношении Финляндии. Против участия финляндских представителей в Думе выступили Герард и Лангоф. Лангоф отметил, что, «едва ли участие в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского может быть полезным для решения общих для Империи и Великого княжества Финляндского вопросов», т.к. «неоспоримыми актами Финляндии предоставлена самостоятельность в области местного законодательства». Н.Н. Герард отмечал, что «в финском обществе с большими опасениями прислушиваются к тем проектам, на основании которых Финляндский Сейм был бы устранен от обсуждения так называемых общегосударственных законов, или же потерял значение решающего законодательные вопросы учреждения, а взамен того было бы установлено участие лишь нескольких представителей от Финляндии в Государственной думе».

В воспоминаниях Витте об этих дискуссиях, как и о своем участии в решении проблемы не пишет. Проблема обсуждалась в Особом совещании под председательством Д.М. Сольского и в его переписке с Будбергом имеется указание на позицию Витте. 2 апреля 1906 г. Будберг писал Сольскому о том, что необходимо срочно разработать порядок участия депутатов от Финляндии в Государственной думе и Государственном совете, а также указал на то, что нельзя согласиться с предложением Витте, «указавшего на то, что нельзя связывать судьбу финляндского законодательства с нашим новым законодательным аппаратом» [4, л. 19].

Таким образом, в «Воспоминаниях» Витте довольно старательно обошел вопросы о своем участии в решении экономических и кадровых вопросов в Великом княжестве Финляндском. Его роль реконструируется на основе его собственных записок, упоминаний в периодической печати, воспоминаниях современников, переписке должностных лиц. Одной из причин подобных умолчаний видится желание Витте не афишировать свои связи с финляндскими политиками, особенно с Л. Мехелиным, с которым он переписывался и после ухода в отставку в 1906 г.

1. Граф С. Ю. Витте и Лео Мехелин. Доклад гр. Витте Николаю II // Былое. – 1918. – № 2. – С. 108–109.
2. Заключение С. Ю. Витте на проект Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф 922. Оп.1. Д.63. Л.54.
3. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. – Санкт-Петербург, 2003. – Т.2. – С.62.
4. Письмо А. Будберга Д. Сольскому // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) – Ф.781 Оп. 1 Д 196. Л.19.
5. Своеобразные администраторы // Новое время. – 1906. – 22 января. – С.3.

Николаев Н.Ю.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АНТИВОЕННОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.: МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ И СМЫСЛОВ¹

В историю российского пацифизма период второй половины XIX – начала XX вв. вошел не только как важный этап поступательного развития, в котором происходило интенсивное идейное усложнение и размежевание, но и в качестве перехода антивоенной мысли в практическую, деятельную плоскость². Несмотря на то, что проблематика российского миротворчества второй половины XIX – начала XX вв. была рассмотрена в ряде публикаций, комплексного анализа ее источниковой базы не проводилось. Целью данного исследования является не только выявление наиболее важных и значимых массивов источников по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв., но и их внутренняя классификация. К сожалению, объем данной статьи не позволяет выделить даже наиболее значимые источники по миротворческой проблематике. Однако автор надеется, что данный текст станет источниковедческим «путеводителем» и поможет настоящим и будущим исследователям одной из самых интересных и важных страниц в истории отечественного пацифизма.

Очевидно, что при изучении антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв. востребованы в основном письменные источники, которые для начала мы предлагаем разделить на опубликованные (на них приходится основная исследовательская «нагрузка») и неопубликованные. Из числа опубликованных отметим прежде всего публицистику – разнообразную как по содержанию, так и по форме. Характерной чертой публицистики XIX в. стало то, что она активно «срачивается с периодикой» [3, с. 81]. Поэтому неудивительно, что значительная часть материалов по миротворческой тематике второй половины XIX – начала XX в. – это публикации в периодических изданиях. Большая их часть была связана с авторской апперцепцией важных внутри- и внешнеполитических событий (войны и мирные соглашения, внутренние и международные антивоенные мероприятия и события). Среди публицистических источников особо выделим «толстые» ежемесячные литературно-политические журналы, преимущественно либеральной направленности – «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник» и пр. Многочисленные антивоенные статьи на страницах этих изданий были вызваны как общим пацифистским настроением отечественных либералов, так и усилиями отдельных авторов – последовательных противников завоевательных войн и милитаризма (Л. З. Слонимский, М. М. Ковалевский, В. А. Гольцев и пр.). Отметим также ведомственные журналы, где регулярно появлялись публикации по проблемам войны и мира, отражавшие точку зрения «правительственного миротворчества» («Журнал министерства юстиции», «Военный сборник», «Журнал Министерства народного просвещения» и пр.). Антивоенная тематика второй половины XIX – начала XX вв. нередко обсуждалась в контексте развития международного права (главным образом гуманитарного). В результате, значимым источником по истории антивоенной мысли служат статьи в специализированных юридических журналах, которые в пореформенный период переживали бурный рост («Юридический вестник», «Сборник правоведения и общественных знаний», «Вестник права» и пр.) [4, с. 184–185]. Отдельно отметим первое в дореволюционной России антивоенное издание – «Вестник мира: Орган международного права и культуры», которое издавалось в течение 1912–1914 гг. Санкт-Петербургским обществом

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01272, <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>.

² В данном тексте «пацифизм» понимается в самом широком смысле, то есть как антивоенное учение/движение, которое реализуется в теоретической и практической форме и направлено на искоренение войн, вооруженных конфликтов и всякого рода насилия из человеческого общежития и установление всеобщего мира и согласия.